

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Книжные известия и заметки

Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 5. С. 800-813.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

КНИЖНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

I. Свящ. Иннок. Бобровницкій: „Существенныя черты православнаго правоученія“. Опытъ курса VIII класса гимназій. IV—VI. 1—165 стр.—1897 г. Елисаветградъ.

Подлежащая нашему разсмотрѣнію книга о. законоучителя Елисаветградской мужской гимназій и четырехъ классовъ земскаго реальнаго училища состоитъ изъ *двухъ* частей: *общей и специальной*.

Въ *общей* части (стр. 1—45) излагается ученіе о „законѣ вообще“ и „въ особенности о нравственномъ“, послѣ чего характеризуется „законъ Христовъ“, говорится объ „его необходимости при законѣ естественномъ и превосходствѣ предъ всякимъ положительнымъ“. Затѣмъ разсматривается вопросъ „о побужденіяхъ къ исполненію закона Христова“, выясняются: „вмѣненіе,—власть вмѣняющая,—условія и предметъ вмѣненія“, „невмѣняемость“, волѣдь за чѣмъ рѣчь автора переходитъ къ отгвненію „свойствъ христіанской добродѣтели“ и къ показанію „превосходства ея“ по сравненію съ „языческою“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи трактуется о „благодати и свободѣ“, о „грѣхѣ“ и его „видахъ (грѣховности, увлеченіи, слабости и пороки)“, о „всепрощеніи Божиѣмъ, подѣ условіемъ исправленія со стороны грѣшника“, и въ концѣ концовъ о „разностяхъ въ ученіи католиковъ, лютеранъ и реформатовъ о всепрощеніи Божиѣмъ“.

Въ *специальной* части (стр. 45—165), занимающей большую часть книги, излагается „ученіе о частныхъ обязанностяхъ христіанина“. Указываются „три главныхъ вида“ послѣднихъ, каждый изъ которыхъ затѣмъ и разсматривается особенно. Сначала выясняются „обязанности христіанина къ Богу“, сводимыя къ такъ называемому „богопочтенію“. Указавъ „свойства истиннаго богопочтенія“, авторъ различаетъ два „главныхъ его вида“: „внутреннее и внѣшнее“, послѣ чего и занимается характеристикой какъ перваго, такъ и втораго: и положительной (т. е., указаніемъ, въ чемъ каждое состоитъ), и отрицательной (т. е., указаніемъ, въ чемъ каждое не со-

стоитъ, какія извѣстны въ этомъ случаѣ уклоненія отъ нормы). При этомъ съ болѣею сравнительно любовью характеризуется „молитва, какъ исходное начало, средоточный пунктъ и завершеніе внѣшняго богопочтенія“. Далѣе идетъ рѣчь объ „особыхъ видахъ внѣшняго богопочтенія“: объ „исповѣданіи вѣры, клятвѣ и обѣтахъ“, съ одной стороны, и, съ другой, о „почитаніи храма и святынь его (креста, Евангелія, иконъ и мощей), о благоприличномъ поведеніи въ храмѣ, о крестномъ знаменіи и поклонахъ (земныхъ и поясныхъ), о почитаніи праздниковъ (праздничномъ покоѣ и праздности) и соблюденіи постовъ“. — Затѣмъ выясняются „обязанности христіанина къ самому себѣ“, въ частности говорится: о „самообразованіи въ духѣ православія, о попеченіи касательно чистоты сердца, касательно воли и совѣсти“, — „о здоровьѣ, какъ предметъ заботы, о поведеніи во время болѣзни и преступности самоубійства“; излагается „взглядъ православнаго на благополучіе внѣшнее и на удовольствія“ (говорится: о „богатствѣ, коммунизмѣ, любостыжаніи, удовольствіяхъ, мужествѣ въ несчастіяхъ, добромъ имени, честолюбіи“), послѣ чего, наконецъ, характеризуются „обязанности христіанина въ отношеніи къ ближнимъ“. Раздѣливъ эти обязанности на два класса: „индивидуальныя“ и „соціальныя“, авторъ сначала выясняетъ первыя изъ нихъ. Въ частности, онъ рассуждаетъ: о „миролюбіи, учтивости, честности, правдивости, преступности лжи, о готовности творить добро ближнему, о перенесеніи обидъ, мщеніи, какъ порокъ, и поединкѣ“. Излагая „обязанности соціальныя“, авторъ говоритъ объ „уваженіи къ духовнымъ лицамъ, къ начальникамъ, къ родителямъ и ко всѣмъ старшимъ, — о любви православнаго къ своему отечеству, требующей жертвъ и самоотверженія, — о верховной власти, ея важности и правахъ, — объ обязанностяхъ подданныхъ къ своему Государю, о вѣрноподданнической присягѣ, — о состояніи семейномъ, святости супружескаго союза, воспитаніи дѣтей въ духѣ православной вѣры“. — Въ качествѣ заключенія къ данной книгѣ, выясняется авторомъ „обязанность православнаго во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и въ затрудненіяхъ руководиться ученіемъ свящ. Писанія и святой Церкви“.

Таково общее содержаніе книги о. Бобровицкаго.

При оцѣнкѣ ея достоинствъ, конечно, прежде всего необходимо принять во вниманіе тѣ обстоятельства, при какихъ она писана, задачи и намѣренія ея автора и проч. Отвѣтъ на все это и дается послѣднимъ въ предисловіи къ его книгѣ. „Предлагаемое руководство“, говоритъ онъ, „не претендуетъ на особую специальную научно-богословскую постановку въ изложеніи даннаго предмета даже въ объемѣ курса VIII класса гимназій. Его задача — самая скромная: дать въ руки ученикамъ болѣе или менѣе подходящий учебникъ, который-бы, съ одной стороны, отвѣчалъ требованіямъ программы мин.

н. проsv. и объяснительной къ ней записки и служилъ какъ-бы оправданіемъ“ первой и второй, „а съ другой, соотвѣтствовалъ умственному и религіозно-нравственному развитію учащихся, что въ данномъ случаѣ весьма важно, такъ какъ обиліе матеріала и невозможность вполне овладѣть имъ отбиваетъ въ учащихся охоту къ изученію и усвоенію даннаго предмета“...

И такъ, прежде всего, оцѣнку книги о Бобровницкаго съ „научно-богословской“ точки зрѣнія оставляемъ въ сторонѣ (насколько это возможно и допустимо), такъ какъ иначе пришлось-бы упрекать автора во многихъ отношеніяхъ незаконно, требуя отъ него того, чего онъ и не хотѣлъ, и (по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ какихъ онъ находился) не могъ дать. Но *выполнилъ-ли онъ то, что намѣрено было, что общалъ?* Для того, чтобъ читатель могъ наглядно судить объ этомъ, почтенный авторъ привелъ соотвѣтствующія выдержки изъ „объяснительной записки къ программѣ Закона Божія въ гимназіяхъ“, наглядно оправдывающія принятое имъ отношеніе къ своему дѣлу, какъ составителемъ именно „учебника“ для гимназистовъ. Въ тѣхъ же, конечно, соображеніяхъ, далѣе, напечатана авторомъ и „утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ примѣрная программа Закона Божія для учениковъ VIII класса гимназій министерства народнаго просвѣщенія“ (см. въ концѣ „предисловія“), чтобъ читатель могъ самъ сравнить, насколько книга отвѣчаетъ этой программѣ. Сравнивая содержаніе „программы“ (при чемъ принимаемъ во вниманіе и данныя „объяснительной записки“) съ содержаніемъ разсматриваемой нами книги, мы должны отвѣтить, что въ послѣдней предложенъ такой или иной отвѣтъ на всѣ вопросы первой, такъ что въ этомъ отношеніи книга удовлетворяетъ своему назначенію. Но соотвѣтствуетъ-ли существу дѣла самая программа, употребляющаяся нынѣ въ гимназіяхъ, или нѣтъ,—это, конечно, совсѣмъ особый вопросъ, котораго естественно мы не будемъ здѣсь и касаться, такъ какъ это уклонило-бы нашу библиографическую замѣтку съ должнаго для нея пути въ сторону. Напрасно только почтенный авторъ смотритъ на свою книгу, какъ на имѣющую „служить какъ-бы оправданіемъ“ и „программы“, и „объяснительной записки“. Быть можетъ, такое намѣреніе у него и было, но, къ сожалѣнію, въ настоящемъ его трудѣ не осуществлено: такого рода оправданія послѣдній вообще не даетъ, будучи лишь рабскимъ исполнителемъ предначертаній той и другой (и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, невольно, помимо желанія его автора, служа какъ разъ противоположной цѣли: чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ присмотрѣться особенно къ частнымъ подробностямъ плана книги и къ тому, насколько входящими въ ея объемъ вопросами исчерпывается дѣло и проч.). Впрочемъ, объ этомъ обстоятельстве мы упоминаемъ лишь мимоходомъ и особаго зна-

ченія ему придавать не намѣрены.—Итакъ, всѣ вопросы „программы“ рѣшены авторомъ. Книга его съ этой стороны отличается желательною въ данномъ случаѣ полнотою. Но спрашивается: *достаточно-ли глубоко и обстоятельно это рѣшеніе и всегда-ли оно правильно во всѣхъ отношеніяхъ?* Предвидя *первый вопросъ*, касающійся глубины и обстоятельности разсмотрѣнія дѣла, авторъ говоритъ, что въ гимназіяхъ, по справедливому, конечно, требованію объяснительной записки, изложеніе предмета должно быть сообразно уметственному развитію учащихся“. „Въ духовныхъ семинаріяхъ“, говоритъ онъ, „преподаванію нравственнаго богословія предшествуетъ и соединяется съ нимъ послѣдовательное изученіе св. Писанія, ознакомленіе съ основными началами логики, психологіи и философіи,—вообще со способами отвлеченнаго мышленія; ничего подобнаго въ гимназіяхъ нѣтъ“... Авторъ справедливо, конечно, отмѣняетъ всѣ эти обстоятельства (хотя здѣсь должна быть сдѣлана нами оговорка: насколько намъ извѣстно, „логика“ въ гимназіяхъ преподается, „основныя ея начала“, слѣдовательно, гимназистамъ должны быть извѣстны), принимая ихъ во вниманіе при изложеніи и выясненіи нравственныхъ вопросовъ, т. е., избѣгая какъ особаго богословствованія, такъ и излишняго въ настоящемъ случаѣ философствованія. Однако, удержаться въ надлежащихъ границахъ вообще трудно, кого-бы это ни коснулось: здѣсь требуются и большая опытность въ дѣлѣ, и особенная осторожность въ выборѣ даже выраженій, отдѣльныхъ словъ, и проч. въ подобномъ же родѣ. При отсутствіи на-лицо какого либо изъ такихъ условій легко власть въ ту или иную крайность, отъ чего дѣло уже болѣе или менѣе значительно пострадаетъ. Что касается, въ частности, о. Бобровницкаго, то вообще ему удастся болѣе или менѣе успѣшно лавировать между „Сциллою“ и „Харибдою“; однакожъ, не всегда. Такъ, уже на 2-й страницѣ учебника выведенъ на сцену Кантъ съ его „категорическимъ императивомъ“, хотя и безъ этого философа, который въ состояніи подѣйствовать на гимназистовъ лишь устрашающимъ образомъ, можно было бы безъ труда обойтись. А разъ ужъ о немъ зашла рѣчь, нельзя ограничиться одной фразой; необходимо поговорить о немъ побольше, чтобъ его имя и его „императивъ“ не остались тѣмъ-то лишь мгновенно и попусту (въ сущности) мелькнувшимъ мимо ушей гимназистовъ. У автора такой рѣчи, однако, нѣтъ. Излишнія разсужденія встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ книги: напр., въ рѣчи о „новоіудействѣ“ (стр. 58) и друг. Впрочемъ, даннаго недостатка, т. е., излишнихъ или непонятныхъ самихъ по себѣ для гимназистовъ разсужденій автора, въ книгѣ, за исключеніемъ лишь самыхъ рѣдкихъ и незначительнѣйшихъ случаевъ, почти нельзя замѣтить. Да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ какъ-либо даетъ о себѣ знать, онъ, конечно, устранимъ съ помощью устныхъ разъясненій о за-

коноучителя во время классныхъ его занятій съ гимназистами. — Зато гораздо чувствительнѣе заявляетъ о себѣ другой, какъ разъ противоположный, недостатокъ: скудость, съ какою авторъ разъясняетъ затрогиваемые имъ вопросы, иногда, повидимому, переходящая всякія границы. Конечно, и здѣсь оправданіе для автора можетъ быть найдено безъ особаго труда: это—или возможность для него сдѣлать дополнительные разъясненія и сообщенія во время уроковъ, или—недостатокъ (впрочемъ, можетъ-ли и, если—да, то въ какой мѣрѣ допустить его?) имѣющагося въ распоряженіи у о. законоучителя „класснаго“ времени, и т. п. Но едва-ли всѣми такого рода оправданіями можно въ достаточной степени извинить ту „скудость“, часто переходящую въ простую „конспективность“!.. Не будемъ указывать всѣхъ, интересныхъ въ данномъ случаѣ, мѣстъ книги, такъ какъ это было бы слишкомъ долго. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Таково, напр., мѣсто, опфнивающее выставляемая различными мыслителями ложныя побужденія къ исполненію нравственнаго закона. Лучше было бы совсѣмъ не говорить объ эвдемонизмѣ, утилитаризмѣ, кантовскомъ долгѣ и проч., чѣмъ, говоря о нихъ, ограничиться самымъ общимъ, голословнымъ ихъ опроверженіемъ (стр. 13 и слѣд.). Недостаточно (даже и въ предѣлахъ гимназическихъ требованій) раскрыть важнѣйшій, между тѣмъ, вопросъ о благодати и человѣческой свободѣ (стр. 26—29). Слишкомъ кратко затронуты „грѣхи противъ внутренняго богопочтенія“ (стр. 57—61). Почти голый перечень большинства ихъ, не уяснивъ существа дѣла, можетъ только навѣять скуку на читателя, особенно такого, который (какъ, напр., гимназисты) дотолѣ или совсѣмъ ничего не слышалъ, или имѣлъ лишь вообще смутное представленіе о рационалистахъ, деистахъ и проч. Другихъ мѣстъ въ томъ же родѣ (хотя ихъ и не мало) указывать не видимъ надобности. — Что же касается того, отмѣченнаго выше, вопроса: *насколько правильно рѣшаются затрогиваемые авторомъ пункты*,—то на него въ общемъ слѣдуетъ дать отвѣтъ, благопріятный для автора. Однакожъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ тѣхъ именно, гдѣ дѣло идетъ о точныхъ опредѣленіяхъ тѣхъ или иныхъ нравственныхъ понятій, желательно было бы встрѣтить отъ автора нѣсколько больше вдумчивости въ раскрываемые имъ пункты. Такъ, можно было бы сдѣлать нѣсколько возраженій по поводу опредѣленія и выясненія авторомъ нравственнаго закона и его свойствъ. Сущность совѣсти выясняется не научно, односторонне отчасти и, вслѣдствіе этого, нѣсколько неправильно. Не удовлетворнетъ читателя и дѣлаемое авторомъ опредѣленіе благодати Божіей, равно какъ и человѣческой свободы (нравственной) и проч. Конечно, въ нѣкоторое извиненіе автору можно сказать, что точныя опредѣленія всѣхъ указанныхъ и подобныхъ имъ понятій—дѣло трудное (о чемъ свидѣтельствуютъ, напр., еще доселѣ имѣющія мѣсто разно-

гласія между западными моралистами по вопросу о сущности *совѣсти*, различно ими понимаемой и опредѣляемой,—по вопросу о сущности *благодати*, испытывающему ту же въ общемъ участь, и проч.), но не невозможное въ виду существованія и у насъ прекрасныхъ работъ, облегчающихъ дѣло. Разумѣемъ, напр., книгу проф. Олесницкаго М. А.: „Изъ системы христіанскаго Правовученія“ (Кіевъ, 1896 г.), которая въ данномъ случаѣ могла бы оказать автору большую помощь. Неопѣвненны для автора были бы „Лекціи“ протопр. І. Л. Янышева (изданія въ 1887 г. проф. А. Θ. Гусевымъ), гдѣ даются изумительныя по своей точности опредѣленія нравственныхъ понятій и гдѣ всякій, изучающій науку о христіанской (православной) нравственности, могъ бы многому поучиться (жаль, что изданіе уже давно распродано, а новое, притомъ, обнимавшее бы *весь* курсъ науки, не является, хотя,—мы увѣрены,—оно явится, такъ какъ достойнѣйшій о. протопресвитеръ еще живъ и бодръ). Надѣемся, что о. Бобровицкій въ слѣдующемъ изданіи своей книги обратитъ свое (особенное) вниманіе на это обстоятельство (т. е., на возможно ясное и раздѣльное выясненіе и на точное опредѣленіе всякаго рода нравственныхъ понятій), да,—мимоходомъ скажемъ,—*позаботится и объ улучшеніи языка своей книги*. Въ ней нѣсколько рѣжутъ слухъ выраженія: „облеченное безусловнымъ авторитетомъ высочайшей власти правило или требованіе, обусловливающее собою нормальное бытіе, жизнь, дѣятельность и назначеніе какого бы то ни было тварнаго существа, носить имя закона“ (опредѣленіе, которое гимназистамъ надлежитъ выучить буквально, должно быть выражено по возможности кратко, просто и ясно; не говоримъ уже при этомъ, что въ такихъ опредѣленіяхъ неудобны сочетанія: „безусловнымъ... обусловливающее“...); или: „нравственная свобода воли человѣка состоитъ въ непринужденномъ и свободномъ самоопредѣленіи ея къ внѣшней дѣятельности, согласной съ внутреннимъ естественнымъ и внѣшнимъ положительнымъ откровеннымъ закономъ, какъ яснымъ и точнымъ выраженіемъ воли Божіей“ (не говоримъ уже и здѣсь о томъ, что крайне неудобно выражаться: „свобода... состоитъ въ свободномъ самоопредѣленіи“...), — а по какимъ причинамъ неудобно, это, думаемъ, ясно всякому; вмѣсто того скажемъ, что и данное опредѣленіе и длинно, и тяжело, и невѣрно даже и проч.; противопоставимъ ему для примѣра опредѣленіе, дѣлаемое о. протопресвитеромъ І. Л. Янышевымъ: „подъ нравственной свободой человѣка разумѣется ни отъ кого и ни отъ чего не зависящая его сила или энергія самоопредѣленія въ отношеніи къ добру или злу“; это опредѣленіе и кратко, и ясно, и правильно, какъ не понимающее свободы односторонне, какъ допускающее не только нравственно-добрую, но и нравственно-злую свободу и проч. и проч.)...—Конечно, въ книгахъ, подобныхъ настоя-

щей, т. е., въ учебникахъ, не всегда принято указывать источники и пособія, служившія для того или иного автора вспомогательными средствами. Быть можетъ, по этой причинѣ (т. е., по нѣкоторымъ образомъ установившемуся обычаю) и *наизъ авторъ умалчиваетъ о своихъ пособіяхъ*. Въ настоящемъ случаѣ мы, конечно, не имѣемъ ни намѣренія, ни желанія особенно упрекать его за это. Мы хотимъ только высказать сожалѣніе по поводу того обычая, при каковомъ нѣкоторыя лица щедрою рукою черпаютъ изъ источниковъ и, какъ бы считая это законнымъ дѣломъ, ни однимъ словомъ на упоминаютъ о послѣднихъ, хотя простое чувство признательности къ ихъ авторамъ должно было бы заставить ихъ поступить иначе. Притомъ, для обыкновеннаго читателя въ такихъ случаяхъ остается неизвѣстнымъ, насколько тотъ или иной авторъ самостоятеленъ (а это для читателя не всег безразлично). Что касается разсматриваемой нами книги, то развертываемъ ее, напр., на 58-й стр., гдѣ въ разсужденіи о „новоудействѣ, между прочимъ, читаемъ: *Богъ (въ Талмудѣ) „представляется въ образъ человека громаднѣйшей величины, разсказывается, какія у Шехины... плечи, руки, ноги, какая шея, борода...; говорится, будто Шехина нѣсколько часовъ посвящаетъ на изученіе Талмуда, потомъ выходитъ играть съ левіааномъ“*... Затѣмъ беремъ въ руки учебникъ по Основному Богословію архим. (послѣ еписк.) Августина (въ издан. 1876 г.; Вильна) и раскрываемъ его на 159—160 стр., гдѣ, между прочимъ, находимъ: *„Талмудъ... сталь... Боги представляютъ въ образъ человека громаднѣйшей величины... Разсказывается, какія у Шехины плечи, руки, ноги, какая шея, борода... Говорится, будто Шехина нѣсколько часовъ... посвящаетъ на изученіе Талмуда, потомъ играетъ съ левіааномъ“*... Какіе либо комментаріи въ данномъ случаѣ, надвемся, излишни. Не то, конечно, неприятно, что авторъ заимствуетъ изъ какой-либо книги, а то, что не называетъ послѣдней (еписк. Августинъ, написавшій отдѣлъ о новоудействѣ подѣ влияніемъ трудовъ: Диминскаго С., Олесницкаго Ак., іером. (послѣ еписк.) Хрисанова и г. Н. С.,— изъ которыхъ имъ дѣлаются даже буквальные выдержки,—однако, предупредительно отмѣтилъ это обстоятельство, чѣмъ и положилъ конецъ всякимъ недоумѣніямъ). — Не будемъ заниматься неблагодарнымъ дѣломъ сличенія другихъ мѣстъ книги о. Бобровницкаго съ источниками, но возьмемъ на себя смѣлость высказать пожеланіе, чтобъ почтенный авторъ на будущее время избѣгалъ такого рода отношенія къ данной сторонѣ дѣла.

Указывая нѣкоторые недостатки книги о. Бобровницкаго, мы въ этомъ случаѣ вовсе не руководились желаніемъ во что бы то ни стало наговорить упрековъ по адресу автора. Наоборотъ: мы потому, быть можетъ, нѣсколько долго и останавливались на данной книгѣ, что она—вообще хороша для своей цѣли, что она, какъ и было выше замѣчено, удовле-

творяетъ (въ общемъ) своему назначенію. Слабыя стороны ея указывались нами съ тою цѣлю, чтобъ авторъ при слѣдующемъ изданіи своего труда устранилъ ихъ и чрезъ то сдѣлалъ свой учебникъ еще болѣе удовлетворительнымъ. Нѣкоторые же отдѣлы книги и въ настоящемъ ихъ видѣ не оставляютъ желать лучшаго (т. е., поскольку имѣтъ въ виду специальныхъ ея читателей: гимназистовъ), разъясняя тѣ или иные, затрогиваемые въ нихъ, вопросы и въ достаточной степени полно, и достаточно глубоко и правильно (и даже иногда вообще хорошимъ языкомъ). Въ пользу книги говоритъ и ви́шній ея видъ: она напечатана четкимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ, при чемъ для болѣе важныхъ выраженій употребляется жирный шрифтъ. Подобное обстоятельство имѣетъ особенное значеніе въ виду тѣхъ условій, въ какихъ находятся ближайшіе читатели книги. Цѣна послѣдней (1 р. 25 к.), какъ предназначенной служить учебникомъ, быть можетъ кому-либо (не только мало знакомому съ дороговизной печатанія у насъ книгъ) покажется и нѣсколько дорогою. Во всякомъ случаѣ можно пожелать книгѣ успѣха, а еще болѣе: явиться ей поскорѣе въ обновленномъ (къ лучшему) видѣ.

А. Бронзовъ.

II. Критическій и экзегетическій комментарий на посланіе къ Римлянамъ проф. В. Сэндэя и достопочт. А. Хидляма. Единбургъ 1895. Ц. около 6 р. 50 к. ¹⁾.

Этотъ трудъ, принадлежащій равному усердію заслуженнаго Оксфордскаго профессора (ср. объ немъ у J. Vernon Bartlet въ „The Expository Times“ за февраль 1896 г.) и молодого талантливаго бакалавра (состоящаго „туторомъ“ при одномъ изъ Оксфорскихъ колледжовъ), есть только отдѣльный выпускъ изъ цѣлой серіи „Международнаго критическаго комментарія на Свящ. Писаніе Ветхаго и Новаго Завета“, предпринятой Единбургскою фирмой Кларковъ подъ редакцію S. K. Driver (Oxford), A. Plummer (Durham) и Ch. Aug. Briggs (New York) по подобію аналогичныхъ курсовъ Мейера, Гольцмана и пр. Но, судя по названному объемистому (въ CXII+450 стр.) сочиненію, масштабъ взять здѣсь гораздо шире, и все изданіе—видимо—разсчитано на обширныя изслѣдованія. Это ясно изъ самаго краткаго обзора содержанія разсматриваемой работы. Въ пространномъ „введеніи“ мы находимъ слѣдующія матеріи: Римъ въ 58 г. по Р. Х.; іудеи въ Римѣ; Римская церковь; время и мѣсто, поводъ и цѣль; содержаніе; языкъ и стиль; текстъ; литературная исторія; неповрежден-

¹⁾ A Critical and Exegetical Commentary on the Epistle to the Romans by the Rev. William Sanday, D. D., and the Rev. Arthur C. Headlam, B. D. Edinburgh, T. & T. Clark, 1895. Price 12 s.

ность; экзегетическая литература. Затѣмъ идетъ постепенный комментарий, при чемъ важнѣйшіе вопросы подвергаются специальному и—часто—подробному разбору. Таковы: богословская терминологія Рим. I, 1—7; слово *δικαιο*; и родственныя ему; значеніе термина „вѣра“ въ Н. З. и въ нѣкоторыхъ іудейскихъ сочиненіяхъ; правда Божія; Павлово изображеніе языческаго міра; употребленіе кн. Премудрости въ I гл.; смерть Христова, какъ жертва; исторія Авраама у св. Павла и св. Іакова; іудейское ученіе объ обрѣзаніи; мѣсто воскресенія мертвыхъ въ ученіи св. Павла; общество (NB: по Ричлевской теоріи) или личность—собственный объектъ оправданія; идея примиренія или умиловленія; дѣйствіе паденія Адамова по іудейскому богословію; Павлово понятіе о грѣхѣ и паденіи; исторія истолкованія Павлова ученія о *δικαιοσύνη*; ученіе о таинственномъ единеніи со Христомъ; внутренняя борьба; взглядъ св. Павла на ветхозавѣтный законъ; лицо и дѣло Духа Св.; „чаеніе твари“; преимущества Израиля; пунктуация Рим. IX, 5; божественное избраніе; божественное господство въ В. З.; власть и права Бога, какъ Творца; соотношеніе аргументаціи Павловой въ гл. IX къ книгѣ Премудрости С.; исторія истолкованія Рим. IX, 6—29; аргументація IX, 30—X, 21: человѣческая отвѣтственность; пользование В. З. у св. Павла; ученіе объ „остаткѣ“; заслуги отцовъ; аргументація въ Рим. IX—XI гл.; философія исторіи св. Павла; спасеніе личности: свободная воля и предопредѣленіе; духовныя дарованія; церковь и гражданская власть; исторія слова *ἀγάπη*; христіанское ученіе о любви; перво-христіанское вѣрованіе въ близость „царствіи“ (прішествіи Христова); отношеніе гл. XII—XIV къ Евангеліямъ; секта или партія, разумѣемая въ Рим. XIV; Акила и Прискилла.

Изъ этого отрывочнаго перечня, далеко не покрывающаго всего содержанія книги, ясно особенное богатство въ матеріальномъ смыслѣ. Это первое и несомнѣнное ея достоинство, а наряду съ нимъ должно отмѣтить, что каждый предметъ разсматривается здѣсь съ разныхъ сторонъ и освѣщается со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Значитъ, многообразіе имѣетъ при себѣ и полноту, что принадлежитъ къ весьма рѣдкимъ и счастливымъ сочетаніямъ. При этомъ—строгое воздержаніе отъ догматическихъ предубѣжденій и школьныхъ тенденцій. „Наша цѣль, — говорятъ авторы (стрн. VII—VIII), — историческая, а не догматическая... Прежде всего мы старались понять св. Павла и понять его не только въ отношеніи къ окружающему, но и въ отношеніи къ неизмѣннымъ фактамъ человѣческой природы, на которыхъ (?) покоится его система. Возможно, что добытые нами тезисы въ другое время и другими руками будутъ примѣнены для цѣлей догматическихъ; однако окончательныя заключенія насчетъ христіанскаго ученія не были въ нашихъ намѣреніяхъ“. И этотъ взглядъ они выдерживаютъ твердо и

неуклонно. Лишь изрѣдка проглядываетъ легкое склоненіе за демаркаціонную черту объективнаго созерцанія (напр., касательно идей А. Ричля), но въ общемъ господствуетъ спокойно-историческій тонъ. Тѣмъ не менѣе догматическая почва не таитъ подъ собою вулканическихъ силъ, предвѣщающихъ изверженія сухого конфессіонализма или критическаго рационализма. Къ нашему особенному удовольствію, встрѣчается даже нѣчто такое, что справедливо вызываетъ симпатію знающихъ къ молодымъ англійскимъ богословамъ (см. статью *Православнаго* „Норичскій конгрессъ“ въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія“ за 1895 г.). Такъ, Сэндэй и Хидлямъ признаютъ „самыми основными понятіями и у св. Павла—божественное господство Христа, значеніе Его смерти, существо таинствъ“. Что эти слова крайне знаменательны, это показываетъ уже недоумѣніе, въ какое—по поводу ихъ—впалъ и почтенный проф. Сальмондъ (см. его отзывъ въ „The Critical Review“ за октябрь 1895 г., стрн. 374) ¹⁾.

Сказаннымъ опредѣляется и главнѣйшій характеръ комментарія. Его составители стремятся къ историческому изясненію, указывая подлинное положеніе посланія въ своей эпохѣ чрезъ соотношеніе къ современной іудейской мысли и возраставшему христіанскому ученію. При этомъ достаточно обрисовывается и мѣсто его въ христіанской литературѣ со стороны возникавшихъ тогда вопросовъ и данныхъ у Апостола рѣшеній. Съ этою цѣлію привлекаются и памятники чисто іудейскіе и апокрифическіе.

Этимъ вполне оправдано „историческое“ достоинство труда и тѣмъ самымъ подчеркнута, что не совсѣмъ удачный эпитетъ „критическій“ не имѣетъ особой важности и свидѣтельствуешь только о научно-объективной независимости комментарія.

Работая совокупно и въ двой руки, авторы достигли и всесторонности и основательности. Трудно указать пунктъ, который, по крайней мѣрѣ, не былъ бы намѣченъ ими. Пожалуй, ничуть не легче назвать отдѣлъ, гдѣ бы они не провѣрили самостоятельно и не внесли новаго въ смыслъ дополненія, подтвержденія, дальнѣйшаго развитія, ограниченія и т. п. Во всякомъ случаѣ, ничто не берется на прокатъ безъ процентовъ и безъ разсмотрѣнія и все возвращается съ лихвою: видимое дѣло, это не рабы съ однимъ талантомъ!.. Это несомнѣнно и по обширной литературѣ, которою располагаютъ Сэндэй и Хидлямъ. Ея объемъ не замыкается богословско-экзегетическою сферой, но захватываетъ и всѣ сопряженныя области,—и вездѣ мы находимъ часто поразительное изобиліе даже въ деталяхъ—филологическихъ, исто-

¹⁾ Подозрѣніе проф. *Marcus Dods'a* въ пуританскихъ наклонностяхъ авторовъ („The Expositor“ 1896, II, p. 155) ничѣмъ не мотивировано и едва ли основательно.

рическихъ, географическихъ, ортографическихъ и пр. Намъ достаточно известно, что они старались проникнуть и въ русскую „окровищницу“. Къ нашему сожалѣнію, она оказалась постыдно скудною, и это только лишній разъ свидѣтельствуешь, къ чему ведетъ сыскная ревнительность о конфессиональной чистотѣ, гдѣ ошибочно и неосторожно вѣра правая соподчиняется ограниченному испытующему разуму, гдѣ напрасно забывается, что отъ докторскихъ и магистерскихъ диссертаций не произошло ни ересей, ни расколовъ, а на гладкомъ просторѣ нашей научной „простоты“ тутъ же разливается широкимъ моремъ, гдѣ — наконецъ — несправедливо попирается основной принципъ, что безъ порядочнаго не бываетъ и никогда не будетъ хорошаго... Впрочемъ, это à propos. Ближе къ дѣлу, что поименованные авторы все-таки успѣли познакомиться съ трудомъ покойнаго еп. Теофана и дали удачную его характеристику, а въ одномъ мѣстѣ (стр. 271) приводятъ и анализируютъ его мнѣнія насчетъ Рим. IX, 6—29. Всѣмъ этимъ они обязаны любезности первѣйшаго въ Англіи знатока церковной Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ, г. В. Биркбека. Можно развѣ пожалѣть еще, что послѣдній не освѣдомилъ ихъ касательно работъ проф. Г. А. Воскресенскаго о славянскомъ текстѣ посланія къ Римлянамъ, между тѣмъ онъ достаточно владѣетъ церковно-славянскимъ языкомъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ Оксфордцевъ (напр. гг. Веббъ и Морфиль).

Въ заключеніе обзора необходимо упомянуть, что — вопреки не похвальному обычаю русскихъ — книга снабжена хорошими указателями именъ и словъ латинскихъ и греческихъ, при чемъ въ перечнѣ послѣднихъ сдѣланы прибавленія изъ новѣйшихъ *Notes on Epistles of St. Paul* приснопамятнаго еп. *Лайтфута* и *Bibelstudien A. Дейсмана*.

Мы погрѣшили бы противъ научной объективности и не оказали бы должнаго ученаго вниманія, еслибы на общемъ свѣтломъ фонѣ не отмѣтили и дифференцирующихъ тѣней. Разумѣется, мы говоримъ лишь о главнѣйшемъ и существенномъ, не вдаваясь въ спеціальныя препирательства и не затрагивая деталей. Съ этой точки зрѣнія, вполне соответствующей и задачамъ самаго труда, всѣ его достоинства имѣютъ и обратныя стороны.

Мы упоминали выше о матеріальной содержательности работы, гдѣ каждый предметъ разбирается въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Для сего издатели предпочли вести свою аргументацію — одновременно — нѣсколькими способами, и во всякихъ масштабахъ. Отсюда у нихъ сжатые обзоры, разчлененія, подраздѣленія, суммарныя обобщенія, парафразы, примѣчанія крупнымъ и мелкимъ шрифтомъ смѣняются одни другими. Все это, конечно, помогаетъ всесторонности освѣщенія, но по необходимости придаетъ книгѣ едва ли поэтическую пестроту, хотя я и не рѣшусь назвать ее хаоти-

ческой. При этомъ, естественно, не мало нарушается и логическая послѣдовательность въ раскрытіи мыслей Апостола, которая можно разсматривать особо и детально лишь тогда, когда онѣ установлены по своей принципиальной основѣ и по взаимоотношенію. Не менѣе понятно, что при такой манерѣ специально анализируемые пункты не исчерпываются до конца. Стремясь къ филологической точности Элликота, авторы видимо и справедливо примыкаютъ къ Ляйтфуту не безусловно, потому что у него комментарий нѣсколько бѣдѣнъ и сухъ, а сопутствующія „диссертаци“ всегда прекрасны и часто не подражаемы. Намъ казалось бы, что въ преобразованіи этого метода нужно пойти далѣе и главнѣйшее внести въ самое толкованіе, оставляя особые соприкосновенные вопросы для диссертационнаго разбора.

Историческій объективизмъ также не чуждъ неизбѣжныхъ слабостей. Составители желаютъ воздавать всѣмъ должное и всюду найти законное и примиряющее равновѣсіе, если рѣчь не идетъ о какой-либо псевдокритической крайности. Поэтому личное ихъ сужденіе раздробляется въ массѣ одобряемыхъ и полуотвергаемыхъ мнѣній и теряетъ въ опредѣленности, отчетливости и выпуклости. Наиболѣе всего эта черта сказывается въ догматически спорныхъ прилемахъ, но и въ другихъ случаяхъ индивидуальная типичность Сэнда и Хидляма закутывается колеблющеюся дымкой. По этой причинѣ читатель частенько оказывается въ нерѣшительномъ раздумьи путника предъ разными дорогами съ опасеніемъ, какъ бы не лишиться „деснаго стоянія“...

О трудахъ подобнаго рода проф. Сальмондъ хорошо замѣтилъ, что „сколько бы ни было писано о посланіи къ Римлянамъ,—не видится надобности въ апологіяхъ по поводу прибавленія новаго комментарія къ длинному списку существующихъ толкованій. Всякій послѣдующій работникъ присоединяетъ нѣчто къ сдѣланному другими, усматриваетъ свою долю истины и познаетъ ограниченную часть заключеннаго въ немъ опыта; но самое посланіе остается неисчерпаемымъ, всегда открывая благоговѣйному взору новые пункты, раскрываясь постепенно при всякомъ новомъ кризисѣ въ исторіи церкви или въ жизни личности, всегда требуетъ свѣжаго разсмотрѣнія, всегда вознаграждая за научное изслѣдованіе на помощь благочестію“ („The Critical Review“, October 1895, p. 373) ¹⁾. Мы видѣли, сколь много и плодотворно

¹⁾ Разумѣется, Principal F. H. Chase (въ отзывѣ, извѣстномъ намъ лишь по объявленію въ „The Critical Review“ 1896, No. I) хватилъ слишкомъ черезъ край и совсѣмъ не въ мѣру, „привѣстствуя въ этомъ трудѣ вкладъ, составляющій эпоху (an epoch-making contribution) въ изученіи св. Павла“. Такая паллицианная похвала была бы весьма дурною рекомендаціей для англійской богословской литературы, гдѣ возможны подобныя „эпохи“, и всегда бываетъ тошнѣе и вреднѣе, чѣмъ сурово-критическое порицаніе... Русскимъ „библіографамъ“ и „рецензентамъ“ нужно помнить эту истину и почаще и потверже.

поработали Сядей и Хидлямъ, и не будемъ особенно спорить съ авторитетнымъ критикомъ, если ихъ изданіе онъ ставитъ во главѣ англійскихъ комментаріевъ и, не находя равнаго въ литературѣ послѣ выхода подлиннаго Мейера, отводитъ ему преимущественное мѣсто на безграничномъ полѣ экзегетической науки (ibid., p. 373. 377; ср. и проф. Magnus Doda въ „The Expositor“ 1896, II, p. 154—155). Съ своей стороны мы прямо и съ увѣренностію можемъ сказать, что эта книга вполне достойна ученой библиотеки ученыхъ и въ самомъ богатомъ собраніи будетъ ближе къ алфа, чѣмъ къ омега.

Н. Г.

Декабрь 1895 г.

Быль ли допущенъ Іуда предатель въ соучастію въ самомъ таинствѣ Евхаристіи ¹⁾ — при установленіи его Господомъ Спасителемъ на тайной вечери? — По этому вопросу издревле существовали разные мнѣнія: одни отвѣчали положительно, другіе отрицательно; въ новѣйшее время къ нимъ присоединилось еще третье рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что Іуда былъ удостоенъ приобщенія только хлѣба, но не вина, какъ нѣкоторые понимаютъ и слова девятой пѣсни на повечеріи въ великую среду: „руцѣ простерлъ еси, ямиже хлѣбъ пріялъ еси темныя, пріяти сребренники“ и т. д. Отсюда ясно, что вопросъ этотъ не настолько простъ, и мы предлагаемъ лишь фактическія справки.

Евангелисты Матвѣй и Маркъ сообщаютъ о знаменіи къ избличенію Іуды предъ установленіемъ таинства (XXVI, 25—26 сл.; XIV, 20. 22 сл.), но ничего не говорятъ ни о совершеніи этого знаменія, ни о самомъ удаленіи предателя, хотя его уходъ предполагается необходимо (XXVI, 47; XIV, 43). О первомъ точно передается у св. Іоанна Богослова (XIII 26. 27), при чемъ несомнѣнно, что это было уже во время возлежанія (XIII, 28) учениковъ на вечери (XIII, 2). О значеніи послѣдней можно судить потому, что въ Евангеліи Луки рѣчь о предательствѣ ведется (XXII, 21 сл.) послѣ разсказа о преломленіи хлѣба и разданіи его всѣмъ двѣнадцати возлежавшимъ Апостоламъ (XXII, 14). Отсюда вытекаетъ, что и Іуда присутствовалъ при этомъ актѣ, но это послужило лишь къ окончательному (ср. Лк. XXII, 3) сатанинскому ожесточенію его, и теперь Господь дозволяетъ ему совершить то, что для него стало неотвратимо (Ин. XIII, 27). Но чаша была преподана уже по вечерамъ (μὲτὰ τὸ δεῖπνον: Лк. XXII, 20), когда въ „горницѣ“ не было предателя, который — поэтому — не могъ удостоиться завѣта ис-

¹⁾ Этотъ вопросъ возбужденъ однимъ изъ читателей нашего журнала въ особомъ письмѣ въ редакцію.

купительной крови Христовой, что и вполне понятно въ виду его рѣшительной демонической несправимости.

При этомъ замѣчательно, что всѣ три первые Евангелиста упоминаютъ о словахъ Господа насчетъ соучастія Его съ учениками въ царствѣ Божіемъ или Отца лишь по отношенію къ вину (Мѡ. XXVI, 29. Мрк. XIV, 25. Лк. XXII, 18) и установленіе „новаго завѣта“ приурочиваютъ именно къ чашѣ (Мѡ. XXVI, 28. Мрк. XIV, 24. Лк. XXII, 20), а Матоей и Маркъ (XXVI, 27; XIV, 23) прибавляютъ, что при раздачѣ ея Христосъ нарочито прибавилъ, чтобы пили изъ нея *всѣ*.

На основаніи этихъ данныхъ представляется *вѣроятнымъ* думать, что Іуда былъ удостоенъ участія въ завѣтѣ таинства искупленія, но не воспріялъ залога спасенія. Это согласуется и съ тѣмъ догматическимъ воззрѣніемъ, что искупленіе смертію Господа было совершено за всѣхъ, а омытіе Его спасительною кровію подается однимъ увѣровавшимъ и вѣрующимъ.

г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки